

АЛЕНА
Баженова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОСЛЕ РАЗВОДА

Начну жизнь с нуля

18+

Алёна Баженова

После развода.

Начну жизнь с нуля

<https://litres.ru/74489884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж изменил мне с моей же подругой. Я застала их в позе «скрюченных крабов» — у него спину заклинило, у неё ногу свело. И знаете что? Это было так нелепо, что вместо слёз мне захотелось смеяться.

Мне надоело быть удобной женой, которая хоронит свои мечты в угоду чужим стандартам. теперь я буду сама строить свою жизнь, запишусь на курсы по готовке и пойду на конкурс к легендарному и суровому шефу Данилову. Пусть он кричит о точности граммов, а я буду добавлять в свои десерты щепотку бунта.

Новая жизнь пышки начинается. И она пахнет корицей, свободой и чуточку горелым пирогом.

Содержание

Глава 1. Пирог с горчинкой	4
Глава 2. Поза скорпиона в объятиях	9
Глава 3. Конкурс	15
Глава 4. Обманщик	20
Глава 5. Вы меня нервируете	25
Глава 6. Проваливай	31
Глава 7. Основы	37
Глава 8. А вас я попрошу остаться	43
Глава 9. Её здесь быть не должно	48
Глава 10. Забери своего мужа	53
Глава 11. Подстава	59
Глава 12. Заболела	65
Глава	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алёна Баженова

После развода.

Начну жизнь с нуля

Глава 1. Пирог с горчинкой

Мой мир пахнет корицей и сожжёнными мечтами. Не в переносном смысле. Буквально. Потому что на кухне, пока я пыталась поймать тот самый баланс между сладостью и кислоткой в лимонном курде, Лёня, мой муж включил вытяжку на максимум, чтобы «не воняло этой тошниловкой».

– Варя, ты опять за своё? – Его голос прозвучал, как ледяная струйка, стекающая за воротник. – У нас договорённость: будни – для полезного питания. Эксперименты оставим на выходные, если уж совсем немоготу.

Договорённость.

В памяти всплыло воспоминание, как месяц назад он заявил:

«Дорогая, с твоей комплекцией нужно проявлять сознательность. Я же для тебя стараюсь».

И повесил на холодильник распечатанный график: понедельник – куриная грудка, вторник – рыба на пару, среда –

разгрузочный день, четверг – варёные яйца, пятница – суп с курицей и брокколи. Мои кулинарные фантазии в эту таблицу не вписывались. Как и я.

Я вынула из духовки противень. Края коржа чуть золотистые, середина – влажная, упругая. Почти идеально. Почти.

– Это не эксперимент, Лёня, – сказала я в пустоту, зная, что он уже не слушает. – Это проба. Для конкурса.

Последние слова я проговорила шёпотом.

Конкурс от сети ресторанов «Гастрономия». «Лучший авторский десерт для нашего летнего меню».

Приз – стажировка на кухне у шефа Данилова и возможность увидеть свой торт в карте заведения.

Моя заявка была отправлена три дня назад. Я не сказала Лёне ни слова. Зачем? Ответ был у меня в голове, отекавший его же голосом три месяца назад, когда я только заикнулась о курсах: «Варя, будь реалисткой. Повар – это не профессия, это каторга. Тебе в твои тридцать лет и с твоим... телосложением, бегать по раскалённой кухне? Ты и так толстая, а если еда будет рядом 24/7, ты просто разжиреешь. Лучше сосредоточься на своей карьере. Это надёжно».

Я сосредоточилась. Я была старшим менеджером по снабжению в крупной компании. Я идеально составляла графики поставок бумаги для принтеров и картриджей. Моя жизнь была безупречной, предсказуемой и абсолютно безвкусной.

Лёня зашёл в кухню уже в пижаме. Его взгляд скользнул по мне, по фартуку, испачканному мукой и жёлтым от курда.

– Опять ты как свинья испачкалась, – констатировал он, как будто обнаружил новый вид плесени. – И опять в этом своём... балахоне.

«Балахон» был моим счастливым платьем – свободным, из мягкого хлопка, в мелкий синий горошек. В нём я чувствовала себя собой. Уютно.

– Это платье, – поправила я, снимая фартук и пытаюсь стереть пятно с рукава.

– Платье подчёркивает достоинства, – философски изрёк он. – Ты же знаешь моё мнение. С твоими формами нужно работать на сужение силуэта, а не на расширение.

«Моё мнение». Эти два слова были его любимым молотком, которым он годами вбивал меня.

Его мнение о моей одежде, моей еде, моей работе, моём времени. Его мнение было истиной в последней инстанции, потому что оно было «заботливым» и «разумным». А мои чувства, мои хотелки – это были какие-то незрелые, инфантильные всплески.

– С твоим характером, – вздыхал он, когда я пыталась возражать. И я... сдувалась. Как этот несчастное суфле, которое у меня раз за разом не поднималось.

Я опустилась на стул, дожидаясь, когда уже он, наконец, выйдет из кухни, чтобы я могла продолжить.

– Завтра у Лики день рождения, – сказал он, не торопясь

уходить. – Не забудь купить подарок. Только, пожалуйста, что-нибудь адекватное. Цветы. Или тот французский чай. Не надо своих кулинарных сюрпризов, ладно? Она же на сушке, ты же знаешь, как она следит за формой.

Ли́ка. Моя бывшая однокурсница, а ныне – подруга, которая «следила за формой» так рьяно, что, казалось, хотела превратиться из женщины в гриф штанги. Она могла час рассказывать о пользе киноа и смотреть на мои обеды с выражением, будто видела перед собой преступление против человечества. Лёня её обожал.

– Вот с кого надо брать пример, Варенька. Целеустремлённость, воля, дисциплина.

– Ладно, – ответила я, не глядя на него.

– Что? Не бормочи. Говори чётко.

– Я сказала: ЛАДНО, ЛЁНЯ! – выдохнула я, поворачивая голову и встречая его удивлённый, почти оскорблённый взгляд.

– Не нужно истерик. Ты сегодня явно переутомилась на кухне. Бросай свои эксперименты и иди уже спать. Завтра тяжёлый день, а у меня презентация.

Пришлось встать и отправиться за ним. Иначе он бы так и стоял надо мной. Что, что, а Лёня умел быть настойчивым, даже чересчур.

Через полчаса он уже тихо посапывал, а я лежала и смот-

рела в потолок. Внутри всё кипело. От обиды. От злости на саму себя. От дикого, неудержимого желания встать, пойти на кухню и доесть тот самый лимонный пирог. Весь. В одного. Чтобы сладкая, терпкая кислинка разъела этот комок у меня в горле от непролитых слёз.

Но я не встала. Я осталась лежать неподвижно, как хорошая, послушная жена. Как «пышка», которая боится лишний раз пошевелиться, чтобы не потревожить хрупкий мир, построенный не ею.

А потом я мысленно перебрала все ингредиенты для завтрашнего пробного пирога. Для конкурса. *Моего* конкурса. И подумала, что в следующий раз добавлю в начинку щепотку острого перца чили. Совсем чуть-чуть. Просто чтобы добавить остроты.

Я этого дня ждала несколько лет. Сначала даже думать и мечтать себе не позволяла, потому, что я же должна жить как правильно, как мне говорят. А почему-то все вокруг знали лучше меня, как мне жить.

Месяц назад, когда мне исполнилось тридцать лет, я внезапно осознала, что прожила уже полжизни, но так и не осуществила свою мечту. Вот тогда я и вписалась в конкурс. И даже день рождения подруги не стал для меня причиной его отменить. Я просто поздравлю её заранее, даже с работы отпросилась на завтрашний день.

Заеду в обед, поздравлю и поеду на конкурс.

А там уже будь что будет.

Глава 2. Поза скорпиона в объятиях

Лёня с утра сосредоточенно твердил речь для презентации, и на мои слова, что я доберусь на такси сама до работы, только кивнул и вышел без лишних вопросов. Это было как никогда кстати. О том, что я не иду сегодня на работу, ему знать было необязательно.

И всё же, несмотря на советы Лёни подарить Лике что-то необычное типа французского чая. Я испекла для неё яблочный пирог. Аромат пирога разносился по всей кухне.

Он лежал на столе, ещё тёплый, завернутый в полотняную салфетку. Мой тихий бунт. Мой аргумент в споре с миром, который считает, что от сладкого бывают только беды. Посмотрим, устоит ли перед ним даже святая Лика на своей «сушке».

Вот если бы и на конкурсе он получился бы у меня таким же идеальным, то я была счастлива как никогда.

Всё утро я чувствовала странное беспокойство. Лика не ответила на сообщение с поздравлением. Лёня прислал сухое СМС: «Задерживаюсь. Готовимся к завтрашней презентации. Не жди. На день рождения к Лике езжай одна».

Ну раз одна так одна. Я в принципе даже была рада такому исходу. Не придётся выкручиваться и оправдываться, где

я была и почему поздравила Лику в обед, а не вечером. Я быстро собралась. Сделала макияж, укладку. Упаковала пирог в праздничную упаковку, подписала открытку. Я просто заеду, поздравлю, отдам и уеду.

Когда я приехала, дверь в её квартиру была не заперта. Лика так делала, когда ждала курьера с какими-то супер-семе-нами чиа. Поэтому я не придавала значения.

Зашла. В квартире было тихо. И потом я услышала. На-пряжённое, сдавленное пыхтение.

Я замерла в коридоре. Сердце колотилось где-то в горле, тошнотворный привкус страха появился во рту.

– Леонид, сосредоточься! – донёсся сдавленный голос Ли-ки. – Это поза для продвинутых! «Скорпион в объятиях» требует абсолютного контроля!

– Я не могу! – прохрипел знакомый голос, в котором не было ни капли привычной уверенности. – У меня всё немеет! Лика, я не могу так!

«Скорпион в объятиях». Йога. С Леонидом. Мой муж, ко-торый называл мою утреннюю растяжку «бесполезным копо-шением», сейчас корчился в парной йоге с моей подругой?

Я сделала шаг. Выглянула из-за косяка.

То, что открылось моему взгляду, было настолько неле-пым, что на секунду я подумала, что сплю.

На розовом коврике для йоги, среди ароматических све-чей, извивалось нечто, напоминающее двух гигантских, бес-

помощных насекомых. Абсолютно голые, они были сплетены в какой-то немыслимой, асимметричной позе, где его рука зачем-то была закинута за её спину, а её нога обвивала его талию под неестественным углом.

Лица, от неожиданности, дёрнулась. И вскрикнула.

– Ай! Ой, всё! Светло! Светло икру!

Её лицо исказила гримаса настоящего мучения. Она замерла, не в силах пошевелить ногой, скрюченная судорогой.

Леонид, пытаясь её инстинктивно поддержать и отстраниться одновременно, совершил резкий поворот корпусом. Раздался тихий, но отчётливый щелчок. Его глаза округлились. Губы сложились в беззвучное «О». Он застыл, скорченный, бледный, как мел.

– Спина... – выдавил он. – Клинит. Не могу... разогнуть-ся.

Картина была сюрреалистичной. Они буквально были теперь прикованы друг друга и к этому розовому коврику болую. Он – скрюченный, она – со сведённой судорогой ногой. Разъединиться они не могли. И замерли в этой жалкой сцепке, глядя на меня вытаращенными глазами.

Боль. Острая, режущая, горячая волна ударила в грудь.

Измена. Ещё и с моей подругой. Боже! Это же...это же так низко. В памяти замелькали все слова Лёни о Лике и его восхищение и то, как он всё время ставил её в пример. Всё со-

шлось, а я как слепая дура ничего не замечала.

Но следом за болью накатило другое, дикое, истеричное, неконтролируемое чувство. Истеричный смех.

Я стояла, держа в руках ещё тёплый пирог, и чувствовала, как моё лицо раздваивается: глаза горят от боли, а уголки губ предательски дёргаются вверх, губы растягиваются в широкой улыбке.

– О. Парная йога для продвинутых. Вижу, перешли к практике «Скорпион на больничном». Очень... выразительно.

Я сделала шаг ближе. Леонид попытался что-то сказать, но только скривился от боли.

– Варенька... это... не...

– Заткнись, – отрезала я.

Я перевела взгляд на Лику. Она смотрела на меня сквозь слёзы, вызванные, я уверена, больше судорогой, чем рассказом.

– Лик, поздравляю. Твой «здоровый образ жизни» наконец принёс плоды. В виде мышечного спазма. Или это новая техника удержания партнёра? Очень... эффективно.

– Варь, мы просто... практиковали... – залепетала она. – Парную йогу! Для снятия стресса! Ты же знаешь, как Леонид переживает за работу!

– Да-да, – кивнула я. – Я вижу, как вы снимаете стресс. Я поставила пирог на стол.

– Ну что, Леонид, – сказала я мягко. Он вздрогнул, надеюсь, может быть, на прощание. – Когда оклемаешься, домой можешь не приходить. Раз вам так комфортно вместе, то и жить, думаю, вам будет также комфортно.

Я перевела взгляд на Лику.

– А тебе, подруга, пирог оставляю. В нём, между прочим, много магния. Как раз от судорог. И сахара для мозга. – Я бросила последний взгляд на их неподвижные тела. – Вам обоим явно не хватает.

Я развернулась и пошла прочь. Не бежала. Шла. Чётко, ровно, высоко держа голову. Из её квартиры донёсся душевнораздирающий вопль Лики: «Не уходи! Вызови сначала скорую! У нас же одна свободная рука на двоих!»

Я не обернулась. Дверь закрылась за мной, отсекая этот нелепый, жалкий мир.

На улице я вдохнула полной грудью. Смахнула непрошенные слёзы. Да, было больно. От его предательства, от того, что позволяла так издеваться над собой. Но сквозь жгучую рану пробивалось осознание, что теперь я свободна. Это было настоящее облегчение и неукротимое желание жить. Так как хочу я. Готовить что хочу. И носить платья в горошек. И теперь без чувства вины я могу поехать на конкурс. Я чув-

ствовала себя так, как наверно граф Монте-Кристо чувствовала себя после побега из тюрьмы. Даже воздух теперь пах по-другому.

И пусть они подавятся моим пирогом, если решат его попробовать. Но для начала пусть сперва доползут до телефона.

Глава 3. Конкурс

Выставочный центр был полон людей, запаха свежей зелени, нагретого металла и тревожного ожидания. Я держала в руках свою сумочку, словно щит.

Да в груди ещё жгло от обиды и злости на Лёню и на Лику, но стоило погрузиться в атмосферу всеобщего возбуждения перед конкурсом, и всё остальное отошло на второй план.

Меня проводили в огромный зал, где стояли десятки рабочих станций. Рядом уже сустились другие участники. Парень с ирокезом и татуировками рубил зелень с яростью самурая. Девушка в безупречном кителе с невозмутимым лицом выстраивала на тарелке геометрические фигуры из овощей.

Я чувствовала себя серой мышкой в этом ярком птичнике талантов. Но я крепче сжала сумку.

У меня было моё оружие – простота и идеальная отточенность до автоматизма. Я месяц прожила с этим пирогом.

Я знала его, как своё отражение в зеркале.

Объявили пятнадцать минут до начала. На готовку давался час. Каждый из участников занял свои места.

Члены жюри вошли в зал, у меня даже мышцы свело на нозе от напряжения. Я видела телеведущую-гурмана, строгого ресторанного критика... и его.

Мою главную цель – Данилов.

Он шёл не спеша, не улыбаясь, его взгляд скользил по станциям. Высокий, подтянутый, с седыми висками и лицом, на котором читалась лишь скука и готовность к разочарованию.

Говорили, он мог разнести в пух и прах мишленовского шефа за лишнюю каплю соуса. И именно он был главным призом. Год обучения в его легендарной школе. «Именно ему, – подумала я, чувствую небольшое головокружение. – Именно ему нужно доказать, что я чего-то стою».

Подошло время. Начался отсчёт минут. И все участники бросились торопливо за продуктами.

Камеры зажужжали, подходя то к одному, то к другому участнику. Когда объектив нацелился на меня, я почувствовала, как руки слегка дрожат. Я просыпала щепотку сахара мимо миски. Мысленно я услышала голос Лёни: «Нервы? С твоим характером на кухне делать нечего».

И тогда во мне что-то щёлкнуло. Я выпрямилась, отбросила со лба прядь волос тыльной стороной ладони, оставив на коже белую полосу муки.

«Стоп, – сказала я себе. – Ты кого боишься? Сурового дядьку в фартуке? Ты сегодня утром видела своего мужа и лучшую подругу голыми и скрюченными, как сушёные кальмары. Ты не расплакалась, не закричала. Ты пошутила и ушла с высоко поднятой головой. После этого ты боишься, что у тебя не получится пирог?»

Я глубоко вдохнула. Аромат муки, холодного масла.

Мой мир.

Моя территория.

Я взяла нож и твёрдым, уверенным движением начала резать холодное масло в муку. Ровные, быстрые рубящие движения. Никакой суеты.

Я мысленно поблагодарила Лёню и Лику. Их жалкий фарс стал для меня самой настоящей закалкой от любого другого страха. Я погрузилась в процесс и мир мелькающих рук, мисок, духовок, которые гудели, как трансформаторные будки. Я раскатывала тесто, выкладывала начинку, припудривала корицей.

Всё то, что я делала сотню раз. Но сегодня в каждый жест я вкладывала не просто технику, а всю себя.

Когда пирог отправился в духовку, я вытерла руки, посмотрела в сторону жюри.

Данилов разговаривал с коллегой, явно не впечатлённый происходящим.

Моё сердце ёкнуло, но уже не от страха, а от азарта.

«Жди, шеф, – подумала я, следя за таймером. – Сейчас ты попробуешь не просто пирог. Ты попробуешь мой шедевр. И это – самый смелый рецепт».

Духовка мягко пискнула. Время вышло.

Я надела прихватки, открыла дверцу. Волна сухого, согревающего жара и пьянящего аромата – яблоки, корица, карамель – ударила мне в лицо. Пирог был идеален. Румяная,

золотисто-коричневая корочка, через которую местами проглядывал янтарь начинки.

Я вынула его, поставила на решётку, и аромат понёсся по залу. Парень с ирокезом на секунду отвлёкся от своего соуса. Девушка-геометр бросила быстрый взгляд. Я разрежала пирог на аккуратные порции.

Первую – на тарелку для жюри. Мои руки не дрожали.

Я поймала взгляд Данилова. Он смотрел не на меня, а на пирог.

Его бровь слегка изогнулась и поднялась вверх. Вряд ли он удивился, но всё равно стало приятно. Поднося тарелку к столу жюри, я встретила с ним глазами.

– Ну, – он бросил мне вызов взглядом. – Удивите меня. Если сможете.

Я лишь едва кивнула, поставила тарелку и отступила, стиснув за спиной руки.

Всё. Дело сделано.

Осталось только ждать.

Данилов взял вилку, отломил маленький кусочек, поднёс ко рту.

Я затаила дыхание. Всё моё существо сжалось в один напряжённый комок надежды.

Он положил пирог в рот. И через секунду его лицо, и без того строгое, исказила такая гримаса, будто он откусил лимон, обмазанный горчицей. Его брови съехались, губы скривились, и он небрежно наклонился к салфетке и выплюнул

недожёванный кусок.

У меня в ушах зазвенело. Кровь отхлынула от лица.

Не может быть. Это невозможно.

Я пробовала этот пирог сотню раз. Я знала его вкус. Что-то здесь не так.

– Вы уверены, – раздался его голос, холодный и режущий, как лезвие тесака, – что в сладкий пирог стоит класть столько соли?

Глава 4. Обманщик

Тишина после слов Данилова была оглушительной. «Соль». Это слово повисло в воздухе, тяжёлое и нелепое. Я стояла, чувствуя, как подошвами ног прилипаю к полу, не в силах пошевелиться. Стыд, горячий и всепоглощающий, заполнил всё внутри. Я сама всё испортила. В спешке, под взглядами камер, нервы... Я могла перепутать. Я и перепутала. Мечта разбилась не о высокие стандарты, а о мою собственную глупую, детскую ошибку.

Меня больше не вызывали к жюри. Я отступила в тень своей станции, глядя, как пробуют блюда других участников. И тут началось странное.

Девушка-геометр (как я её прозвала за геометрические фигуры в блюде) подала своё блюдо. Её овощные башни выглядели безупречно. Данилов попробовал – и снова скривился.

– Вы уверены, что для этого карпаччо из свёклы нужен был сахарный сироп? По вкусу – чистая патока.

Девушка побледнела, пробормотала что-то о «винном укусе с нотками...но договорить ей не дали и позвали следующего".

Следующий участник, милая женщина, приготовившая нежнейшее суфле. Суфле было... пересолено.

– Как будто повар готовил не десерт, а закуску к водке, –

сухо заметил критик.

Третий, четвёртый... С каждым новым блюдом в зале росло не просто разочарование, а недоумение. Шёпот пробежал по рядам зрителей. У слишком многих, у подавляющего большинства, казалось бы, в продуманных рецептах обнаруживался один катастрофический дисбаланс: сладкое было чудовищно пересолено, солёное – приторно сладко. Будто злой кулинарный гном пробежался по станциям и всё перепутал.

И только один участник сиял. Парень с ирокезом и руками в татуировках. Его блюдо – сложный, многослойный соус к мясу – жюри попробовали, переглянулись и... кивнули. Без восторга, но и без упрёков. Оно было, как минимум, *съедобными* соответствовало заявленному вкусу.

Один короткий, деловой кивок.

– Сбалансировано. Техника есть.

Это был единственный положительный отзыв из всех участников. В зале запахло скандалом.

– Что происходит? – раздался голос телеведущей. – Не может быть, чтобы у стольких людей в один день разом отказали вкусовые рецепторы!

На съёмках неожиданно случилась заминка. Ведущий о чём-то шептался с продюсером. Члены жюри, включая Данилова, отодвинув тарелки и о чём-то совещались. Данилов что-то резко сказал организатору, указывая пальцем на раз-

ложенные перед ним тарелки. Атмосфера в зале наполнилась тревожным гулом.

Я стояла, сжав руки. Волнение за свой провал сменилось другим, леденящим чувством. Слишком много «совпадений». Слишком много «ошибок» у опытных, прошедших отбор людей. У меня в голове мелькнула догадка, а что, если... Нет, не может быть.

Данилов обвёл зал тяжёлым взглядом.

– Стоп, – коротко бросил он оператору. – Будем просматривать записи видеокамер.

На большом экране, висевшем над сценой, запустили запись с нескольких камер. Ускоренная перемотка: все бегают, хватают продукты. Вот я роняю сахар. Вот девушка-геометр отворачивается за маслом. Вот пожилая дама на секунду отходит за яйцами.

И вот он. Парень с ирокезом. Он двигался уверенно, словно хищник: выверено и спокойно. Когда соседи по станциям отвлекались, его рука на доли секунды мелькала над их мисками, контейнерами, солонками. Быстро, почти незаметно. Он что-то подсыпал.

На записи это выглядело как серия ловких фокусов. Щепотка соли в мой сахар. Горсть сахара в её соль. Капля какого-то горького экстракта в ваниль.

В зале повисло гробовое молчание, а потом взорвалось возмущённым гулом.

– Это подстава! – крикнула девушка-геометр.

– Ах ты говнюк! – горячилась пожилая участница.

Парень с ирокезом сначала пытался сохранить маску презрения, но под прицелом десятков разъярённых взглядов и безмолвного, ледяного взгляда Данилова, он быстро сдулся. Его плечи повисли.

– Я... я просто хотел выиграть, – пробормотал он.

– Вы хотели выиграть? – Голос Данилова перекрыл гул. Спокойный, низкий с нотками металла, Он был страшнее любого вопля. – На моей кухне побеждает мастерство. А не грязные трюки мошенника. Выходите. И никогда больше не подходите к плите. Вы опозорили профессию.

Охрана настойчиво взяла парня под локти и вывела из зала. Его ирокез, минуту назад такой дерзкий, теперь жалко топорщился.

Данилов повернулся к остальным участникам. Его взгляд задержался на мне.

– Организационная ошибка. Соревнования будут приостановлены на час. Всем участникам предоставят свежие продукты и новое время. – Он сделал паузу. – И давайте без глупостей. Я хочу попробовать ваши блюда, а не разбираться с очередным уродом.

Ко мне подошла ассистентка, чтобы убрать испорченное блюдо. Я машинально вытерла стол, разложила инструмен-

ты. Нужно было начинать всё сначала. Месить, резать, замешивать. И раз мне дали второй шанс, и я должна была им воспользоваться.

И тут я почувствовала на себе чей-то взгляд. Тяжёлый, изучающий. Я подняла голову.

В двух шагах от моей станции стоял Данилов, засунув руки в карманы брюк. Его лицо не выражало ничего, кроме привычной скуки, но глаза... В них было самый настоящий интерес.

Я замерла, как кролик перед удавом.

– Я следил за вами, – наконец произнёс он.

Я не нашла, что ответить. Просто смотрела на него, чувствуя, как сердце бьётся в горле.

– Ваш пирог, – он слегка наклонил голову, – до того, как в него насыпали полпачки соли, был... почти идеальным. По внешнему виду. По аромату.

Во рту пересохло. «Почти идеальным». Эти слова прозвучали из его уст как высшая похвала.

– Я хочу его попробовать, – сказал он просто. – Не накосячьте. Третьего шанса не будет.

Глава 5. Вы меня нервируете

Я кивнула Данилову, не в силах вымолвить ни слова.

А я осталась стоять с мандражем в коленках и звоном в ушах: «Почти идеальный... Третьего шанса не будет».

Я чувствовала себя избранной, почти гениальной. Он *видел*. Он *понял*. Ура! Ликовала я.

Но эйфория – коварная штука. Как только я взяла в руки новую миску и мерный стакан, осознание ответственности навалилось на меня бетонной плитой.

«Третьего шанса не будет». Эти слова стучали в висках. Я должна была сделать всё безупречно. Сейчас. С первой попытки.

И может быть, я бы успокоилась, если бы он ушёл обратно в жюри и наблюдал оттуда за нами, но, видимо, во избежание новых подстав Данилов продолжал кружить между нашими столами. Он подходил к участникам, останавливался, смотрел и шёл к другому участнику. Каждый раз, когда он приближался ко мне, всё внутри замирало. Да, может, я и была спокойной и не скандальной, раз терпела своего мужа абьюзера, но тупой я точно никогда не была. А вот приближение Данилова превращало меня в безмозглую курицу.

Так, Варя, соберись. Не для этого ты сегодня решила начать новую жизнь, чтобы посреди конкурса провалиться. Я сделала глубокий вдох, расправила плечи. Взяла пакет с му-

кой, вскрыла его и начала отмерять нужное количество, как неожиданно за спиной раздался голос Данилова.

– Вы уверены, что муку надо сразу отмерять в блюдо. Или сито вы презираете?

От неожиданности я вздрогнула. Да, непросто вздрогнула, а сразу бухнула полпачки муки в чашу для замешивания. Облако муки поднялось. В носу засвербило. Представляя себе, что будет с мукой, если я сейчас чихну, я резко поставила пакет с мукой на стол, и, прикрывшись руками, чихнула.

А когда открыла глаза, предо мной предстал Данилов со скрещёнными на груди руками, стоящий в облаке муки.

Одного его ледяного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он разочарован.

Господи, что же теперь будет? Меня точно выставят.

– Вы решили засыпать всю кухню мукой? – резко бросил он.

– Я просто...я не ожидала, что вы за спиной стоите, и испугалась, – попыталась оправдаться.

– А как вы собираетесь учиться у меня, если боитесь? Каждый раз будете в обморок падать или рассыпать продукты?

Слева слышались смешки участников. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Но я подняла подбородок назло всем и судьбе, и Данилову. Если уже я решила с сегодняшнего дня никому не давать меня топтать, то и сейчас не дам.

– Нет. Я привыкну, – ответила я с вызовом.

– Уберите тут всё, – скомандовал Данилов и отошёл. Мне снова пришлось провести ободряющую беседу в своей голове. Вытерла всю муку. И принялась снова делать привычные движения. Просеял муку, взбила яйца. Принялась готовить нижний ягодный слой.

Вокруг все шумели, и я уже даже почти расслабилась. Всё пошло нормально, смешала ингредиенты, влила слоями в форму. Вдруг рядом со мной раздался грохот. Девушка-геометр споткнулась и выронила несколько яиц на пол. Видимо, не только у меня сегодня нервы сдавали.

Всё было готово. Последний слой теста лёг ровно, без морщин, начинка из ягод и яблок не пробивалась наружу. Я аккуратно поставила форму в уже прогретую духовку, установила таймер и закрыла дверцу.

Выдохнула.

Рабочее место выглядело как после сражения – посыпанное мукой, в пятнах от ягод, уставшее, но победившее. Я методично, не торопясь, вымыла миски, протёрла стол, сложила инструменты. Это был ритуал успокоения.

Данилов больше не приближался. Он замер у стола жюри, погружённый в тихий разговор с критиком. Казалось, он вычеркнул меня из своего поля зрения. И от этого стало... обидно? Нет. Спокойно. Теперь всё зависело только от огня, времени и моего рецепта.

Таймер прозвенел. Последние минуты тянулись как расплавленная карамель. Я надела прихватки, открыла духов-

ку. Волна жара и неповторимый аромат ударил мне в лицо. Пирог был прекрасен. Идеально подрумянившийся, пышный, дразнящий. Сердце замерло от гордости. Я сделала это. Несмотря на все препятствия.

Я вынула форму, понесла пирог к своему столу, чтобы вытащить его из формы и красиво оформить.

Я уже почти подошла к своему столу, когда моя нога наступила на что-то скользкое и липкое.

Девушка-геометр, торопясь убрать своё разбитое яйцо, явно протёрла пол лишь поверхностно. Незаметная, коварная плёнка белка осталась на кафеле.

Нога резко поехала вперёд. Всё внутри сжалось в ледяной ком. Мысли пронеслись со скоростью света: «Нет. Только не сейчас. Если я упаду, это будет полный провал. Я не переживу этого».

Я почувствовала, как теряю равновесие. Зажмурилась, готовясь к удару, к хрусту, к смеху, к краху.

Но удара не последовало.

Вместо этого чья-то сильная, сильная рука обхватила меня за талию, резко и точно остановив падение. Вторая рука обхватила меня за талию, придержала пирог, не давая ему выпасть.

Я покачнулась, упёрлась в чью-то грудь, пытаюсь поймать равновесие.

Открыла глаза. Передо мной было белоснежное полотно. Я медленно подняла голову.

Данилов. Он смотрел прямо на меня.

– Устойчивость, – произнёс он глухо, всё ещё не отпуская меня – Не менее важный навык на кухне, чем умение месить тесто. Стоять на своих ногах. Буквально.

Убедившись, что я твёрдо стою, он осторожно отпустил меня. Потом он посмотрел под ноги, на маслянистый след, и сдвинул брови.

Я кивнула, не в силах говорить от переполнявших чувств – смеси дикого облегчения, остаточного страха и щемящей благодарности. Он не просто поймал. Он уберёт от катастрофы и мой пирог, и последние остатки моего достоинства.

Я понесла пирог к столу. Руки не дрожали. Спина была прямее, чем когда-либо. Я поставила свой шедевр перед жюри. Мой пирог был цел, невредим, выглядел очень аппетитно и пах так же.

Ну теперь я точно была уверена, что сделала всё, что от меня зависело. Я боролась до конца.

Какие только мысли меня не посещали, пока я стояла в ожидании вердикта. То мне казалось, что я точно выиграю, но стоило посмотреть на блюда других участников и появлялись сомнения. Особенно, как всегда, выделилась девушка-геометр. Я уже знала, что её зовут Катя, и что она уже работает в сети ресторанов. Куда мне было с ней тягаться.

И когда, наконец, наступил момент оглашения результатов, я даже не удивилась, что именно она заняла первое место. А значит, и учиться у Данилова теперь будет она.

И всё же так стало обидно. Ведь я так давно мечтала, готовилась. Но надо было держать себя в руках. Вот приеду домой и там укутаюсь пледом и поплачу. Буду оплакивать и измену мужа, и свою очередную неудачу.

– Приз зрительских симпатий получает Варвара Строгина, – голос ведущего вырвал меня из тягостных мыслей.

Что? Приз зрительских симпатий? Не может быть! Улыбка растянулась на моём лице от уха до уха. И в этот момент Данилов подошёл к ведущему, прервал его.

– Да я обещал, что возьму только одного участника к себе в ученики. Но понаблюдав за всеми, я решил немного изменить условия. Ко мне пойдут учиться двое.

– Катерина Богомолова и Варвара Строгина.

Он впился взглядом в моё лицо и улыбнулся, в этой улыбке мне почудилось что-то хищное.

Глава 6. Проваливай

Домой я возвращалась в отличном настроении. В ушах до сих пор гудело от аплодисментов, сердце стучало ритм победного марша, а городские огни казались праздничной гирляндой.

Боже, я ещё никогда так не радовалась!

Я буду учиться у Данилова.

Эта мысль перебивала все остальные. Я напрочь забыла и про Лёню с Ликой и про их запутанные и сцепленные тела. В голове крутились куда более важные проблемы. Сначала надо было решить главный вопрос: что делать с работой. Первый этап обучения длится месяц. Месяц я ещё могла вытянуть на отпуске, он у меня был не отгулянным.

А дальше... Дальше придётся либо брать отпуск за свой счёт, либо увольняться.

Вариант «сойти с дистанции» я даже не рассматривала. Шеф говорил, что они могут отчислить в любой момент, если поймут, что ученик не тянет. Но я уже чувствовала – я вытяну. Не просто вытяну, а сделаю это так, что он, этот каменный Данилов, никогда не пожалеет о своём решении. Я выстою, выгрызу себе место рядом с ним. Потому что победив сегодня, мне, как будто вселенная вселила надежду.

Как-то Лёня рассказывал мне опыт про крыс. Если опу-

стить крысу в воду и не давать ей выбраться, то она продержится пятнадцать минут и сдастся. Но если её спасти и снова поместить в воду, то она больше не сдастся. И будет до последнего работать лапками в надежде, что её снова кто-то спасёт. Наверно, я была как эта крыса. Мне дали надежду. Вселенная показала, что я могу победить. И...и теперь я готова была выдержать любые испытания и даже злого шефа с его хищной ухмылкой.

С такими светлыми мыслями я поднялась к своей квартире и вставила ключ в замок.

В квартире было тихо. Наверное, Лёня ещё в больнице, если они всё-таки смогли вызвать скорую. Или же убрался к своей Лике. Идеально. Я сниму эти дурацкие туфли, заварю чай и буду строить планы на свою новую жизнь.

Я вошла в прихожую и замерла. Из кухни доносился запах кофе.

Я медленно прошла по коридору. Лёня сидел за кухонным столом и пил кофе. Вид у него был помятый. Спина, видимо, уже разблокировалась.

Я опёрлась о дверной косяк и спросила задумчиво:

– А вас что, уже расцепили?

Он вздрогнул, обжёгся кофе и поставил чашку с таким лязгом, что она чуть не треснула.

– Это несколько не смешно, Варвара! – Он даже не пы-

тался оправдываться. Он был в роли оскорблённой жертвы. – Ты даже не помогла нам! Мы в таком положении были!

– А почему я должна была вам помогать? – спросила я, искренне удивляясь его наглости. – Это входит в обязанности жены – помогать разлеплять мужа и его любовницу с заклинившими конечностями?

Его лицо исказила гримаса. Он не ожидал такого насмешливого тона. Ну да, как это его глупенькая жена смеет ещё смеяться над ним. Как оказалось, смеет. Очень даже смеет.

– Потому что это было травмоопасно! Я мог получить осложнения! – я чуть не выпала в осадок после его слов.

– А я тебя не заставляла, – парировала я, не повышая голоса. – Не заставляла тебе изменять, и уж тем более не заставляла пробовать новую позу с моей подругой-йогом. И свои претензии к Лике предъявляй. А от меня ты вряд ли дождёшься сочувствия.

Я сделала шаг вперёд и поставила свою сумку на стул.

– Так что, Лёня, собери свои вещи и уезжай. У тебя, кажется, есть куда.

Он откинулся на спинку стула, и в его глазах вспыхнуло знакомое высокомерие.

– Ты совсем с ума сошла? Куда я поеду? Время-то вечер-

нее! И вообще, я никуда не собираюсь уходить. Это наша общая квартира.

Наша общая?

Я вздохнула, устало проводя рукой по волосам.

– То есть у тебя даже благородства нет? Хотя о чём это я? – я потёрла переносицу, хотелось просто зажмуриться произнести заклинание и, чтобы он навсегда исчез из моей жизни. – О каком благородстве речь, если у тебя даже совести не нашлось?

Я развернулась и пошла в спальню. Слова были исчерпаны. Остались только действия.

Он поднялся и пошёл следом за мной.

– Ты что, собираешься делать?

Я зашла в спальню и потянула с верхней полки шкафа его дорогой, кожаный чемодан – подарок его матери на прошлый Новый год. Поставила его на кровать и щёлкнула замками.

– Ну, раз ты не можешь этого сделать, значит, сделаю я, – ответила я, открывая шкаф.

– Ты... уйдёшь? – в его голосе прозвучало искреннее, почти детское удивление.

– Ага, сейчас прям, – хмыкнула я, снимая с вешалки его костюмы и аккуратно складывая их в чемодан. – Соберу твои вещи и вызову тебе такси. А куда ты поедешь, меня вообще

не волнуется. Можешь к Лике ехать, можешь к своей маме, можешь даже на улице ночевать. Мне абсолютно всё равно. Я подаю на развод. Квартиру поделим при разводе. А сейчас – выметайся.

Я перешла к комоду, выдвинула ящик с его бельём и носками. Просто вывалила содержимое в чемодан поверх костюмов. Аккуратность кончилась.

Он стоял, ошарашенно наблюдая, как его вещи – его дорогие галстуки, любимые свитера – летят в кожаный чемодан в беспорядке. На лице Лёни появилось выражение обиды.

– Варя, ты не понимаешь, – начал он. – Люди... люди даже в разводе живут в одной квартире годами! Так зачем мне куда-то уезжать? Это же иррационально!

Я захлопнула чемодан и повернулась к нему.

– Иррационально? – переспросила я, прищурив глаза, всё ещё не веря, что мой, казалось бы, умный муж сейчас нёс полную чушь. – Иррационально – это изменять жене с её подругой на коврике для йоги. Иррационально – после этого сидеть на кухне как ни в чём не бывало и пить кофе. И да, возможно, с юридической точки зрения ты прав. Мы можем годами жить вместе, деля одну ванную и холодильник.

Я сделала шаг к нему, глядя прямо в глаза.

– Но, видишь ли, Лёня, *меня* это не устраивает. *Меня!* Ме-

ня не устраивает твоё присутствие, твой запах, твоё высокомерие и даже звук твоего дыхания. Меня не устраивает жить с человеком, который предал меня самым дурацким и унижительным способом.

Я откатила чемодан к его ногам.

– Так что с сегодняшнего дня в этой квартире будет то, что устраивает *меня*. А ты и твой багаж – этому мешаете. Так что – вон.

Он посмотрел на чемодан, потом на меня. На лице менялись эмоции недоумение, злость, обида. Страх перед тем, что его удобный, предсказуемый мир, где он всегда был прав, рухнул окончательно.

– Ты... ты не можешь... – попытался он возразить.

– Уже могу, – перебила я, доставая телефон. – И сейчас вызову такси. Выбирай: выйти самостоятельно или ждать, когда я позвоню в полицию.

Я увидела, как его челюсть напряглась. Он молча наклонился, взял ручку чемодана, без единого слова он развернулся и, постукивая колёсиками по полу, направился к выходу.

Глава 7. Основы

Прошла неделя. Самая насыщенная и стремительная неделя в моей жизни.

В понедельник утром я пришла в отдел кадров и написала заявление на ежегодный оплачиваемый отпуск. На месяц. Начальник, который привык к моей покладистости, лишь удивлённо поднял брови:

– Варвара, в такой-то период? У нас же инвентаризация! Я не могу дать тебе отпуск именно сейчас. ДАвай после Нового года.

Раньше я бы смиренно склонила голову, мысленно ругая и начальника за его твёрдолобость и себя за мягкотелость. Но в этот раз я упрямо подняла подбородок, посмотрела на него так же спокойно, как смотрела на Лёню перед тем, как выгнать его, и сказала:

– У меня есть неотложные личные обстоятельства. Законные двадцать восемь дней. Я их заберу.

Не привык мой босс к моей напористости. В его глазах промелькнуло знакомое раздражение от нарушения планов, но подкрепить его было нечем, и я получила свой отпуск.

Во вторник я отнесла заявление о расторжении брака в загс. Когда я его подписывала, почувствовала, как с плеч сваливается тонна кирпичей. Больше никаких Лёнь, никакого

абыюза, никаких «общих квартир». Только новая жизнь, которую я буду контролировать сама.

Остальные дни пролетели незаметно в круговороте дел, которые я хотела завершить до начала учёбы.

Мама, конечно же, меня не поддержала. Для неё моя учёба была верхом глупости.

– Варя – это не серьёзно, – возмущалась она в трубку. На разговор с глазу на глаз я не решилась. По телефону было безопаснее. И это я ещё ей про развод с Лёней не рассказала. Он же был её любимцем. Замечательным зятем, который воспитывал её неудачно получившуюся дочь.

– Мама, я так решила, – ответила я и положила трубку. Я знала, что она недели две будет строить из себя обиженную. Не будет звонить, специально манипулируя моим чувством вины. Я к этому привыкла. И поэтому даже была рада, что две недели проведу без её лекций о том, как надо правильно жить.

А ещё я засела за книги. Сначала за профессиональные труды по технологии пищевых производств, биохимии, кулинарии, основам сенсорного анализа. Но мало что поняла из них и перешла на более простую литературу.

Я зубрила термины: «аль денте», «конфи», «дегласирование», «кюве». Смотрела лекции по менеджменту кухни, разбиралась в стандартах НАССР, пыталась понять разницу между соусами эспаньоль и велуте. Чувствовала себя первокурсницей, которая за неделю пытается выучить весь мате-

риал, пройденный за семестр.

Голова гудела, в блокноте рос лес непонятных слов и схем, но я глотала информацию с жадностью голодающего. Я не хотела быть профаном. Не хотела, чтобы Данилов с первого взгляда понял, что взял в ученики талантливую самоучку с нулевой теоретической базой.

А ещё я купила себе новый фартук. Профессиональный, плотный, с регулируемыми лямками и множеством карманов. И удобные, нескользящие кроксы для кухни. Это был мой доспех.

И вот настал понедельник. Утро. Я стояла у тяжёлой, непрозрачной двери ресторана «ДаниловЪ», где располагалась авторская кухня Данилова. Ресторан ещё спал, заведение откроется только к обеду. Но в памятке было чётко написано, что приехать надо к девяти. Для работников ресторана жизнь начиналась с рассветом.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как сердце отбивает бешеный ритм – не от страха, а волнения. Всё-таки не каждый день исполняются мечты. Я вспомнила про крысу. Ту, что уже знала – спастись можно. И она работала лапками не в слепой надежде, а с пониманием, что путь к берегу существует.

Я толкнула дверь.

Внутри пахло утончённым ароматом изыска и стиля. Кухня, ещё не разбуженная огнём плит, сияла стерильным блеском нержавеющей стали. В центре, у огромного рабочего

стола, уже стояла Катя, та самая девушка-геометр. Она была в безупречном белом кителе, волосы убраны в тугую, гладкий пучок. Она кивнула мне едва заметно, без улыбки. Соревновательство витало в воздухе гуще запаха зелени.

И он. Данилов. Спина к нам, у плиты, что-то проверял. Он обернулся. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по Кате, потом остановился на мне. Он осмотрел мой новый фартук, мою собранную в хвост непослушную шевелюру, моё лицо, на котором я старалась держать маску спокойной решимости.

– Опоздали, – произнёс он просто. На часах было ровно девять утра.

– Разве? – удивилась я, не опуская глаз.

– Вы хотите со мной поспорить? – он прищурил глаза. Я тут же покачала головой.

– Нет.

– Нет, шеф, – поправил меня Данилов.

– Нет, шеф, – исправилась я.

– Так вот, запомните, на кухне нет опозданий, нет «уважительных причин». Обращаетесь ко мне только, шеф, – отрезал он. Его взгляд упал на блокнот, который я, не раздумывая, достала из кармана фартука. – Конспекты?

– Теория, шеф. Чтобы не спрашивать очевидного.

Он что-то проворчал себе под нос, не то одобрительно, не то насмешливо.

– Теория, – повторил он, подходя ближе. – Это хорошо. Но здесь, – он почти ткнул указательным пальцем мне в нос, – здесь важна практика. И она не прощает незнания. Сегодня начинаем с основ. С того, что, должен уметь каждый начинающий повар.

Он повернулся к стене, где на полках в идеальном порядке стояли десятки ножей.

– С чистки лука. И нарезки. До состояния идеального кубика в три миллиметра. Пока я не скажу «стоп». А потом будем учиться варить бульон. Настоящий. Не тот, что в пакетах.

Он бросил на нас последний взгляд, в котором читался холодный интерес.

– Покажите, на что способны те, кого я выбрал. И помните: здесь я не судья на конкурсе. Я – шеф. А вы для меня пока никто. Докажите, что это не так.

Он отошёл, оставив нас наедине с мешком лука, острыми ножами и титанической задачей. Я посмотрела на Катю. Она уже взяла нож, её лицо было сосредоточено.

Я тоже подошла к стене, тоже выбрала нож. Его рукоятка

легла в ладонь удивительно естественно. Я подошла к своему месту у стола, положила перед собой первую луковицу.

«Ну что ж, – подумала я, делая первый точный надрез. – Начнём с основ».

Уже после первой луковицы я заливалась слезами. Катя хоть и терпела, но тоже было видно, у неё глаза слезятся. Сбавлять темп было нельзя. Почему-то я была уверена, что мне надо делать всё быстрее и лучше Кати, чтобы доказать Данилову, что хоть я и новичок, но умею бороться.

Глава 8. А вас я попрошу остаться

Мы с Катей работали сосредоточенно. По кухне разносилось равномерное, быстрое постукивание её ножа о разделочную доску. Тук-тук-тук-скребок. Тук-тук-тук-скребок. Мой ритм был чуть медленнее, но я компенсировала это тем, что старалась резать без единого лишнего движения. Не отрывать нож от доски слишком высоко. Не поправлять уже нарезанное. Экономить миллисекунды.

Мы не разговаривали. Между нами была не просто конкуренция, а нечто большее – жёсткое противостояние двух миров. Она – профессионал, для которого это ступенька вверх. Я – выскочка-самоучка, отчаянно цепляющаяся за свой единственный шанс.

Мешок лука таял с пугающей скоростью. Пальцы немели, глаза горели, спина затекала в неудобной позе. Я уже не видела Катю, не слышала ничего, кроме собственного дыхания и стука сердца в ушах. Я просто резала. Механически, точно, бездумно. И в этом монотонном действии было почти медитативное успокоение.

Вдруг в поле зрения появился белый китель. Данилов подошёл к столу Кати. Он молча наблюдал за её работой несколько секунд. Потом протянул руку, взял щепотку её нарезки, покрутил в пальцах.

– Приемлемо, – произнёс он, и это прозвучало как высшая похвала. – Скорость хорошая. Форма ровная. Продолжайте.

Он перевёл взгляд на мою доску, заваленную кубиками, и на мои красные, опухшие от слёз глаза. Подошёл ближе. Я замерла с ножом в руке. Он так же молча взял щепотку моей нарезки. Рассмотрел. Перевернул на ладони.

– Кто вас учил так держать нож? – спросил он.

– Никто, шеф. Сама.

– Вижу, – бросил он и шагнул ко мне вплотную.

Он встал сзади, чуть сбоку, и его рука обхватила мою, которая держала нож. Точнее, не обхватила, а *скорректировала* – его пальцы легли поверх моих, сильные и тёплые, поправили хват. Как делают мамы, когда учат детей писать.

– Пальцы слишком напряжены. Вы не дерево рубите. Вы делаете ювелирную работу, – его голос прозвучал прямо у моего уха, тише, чем обычно. – Расслабьте кисть. И локоть прижмите к телу. Вы не дирижируете оркестром.

Но я не могла расслабиться. От его внезапной близости всё внутри напряглось. Я почувствовала, как кровь отливает от лица, а ноги становятся ватными. Вместо того чтобы вникать в его слова, мой мозг с маниакальной чёткостью фиксировал детали: как к моим ягодицам прижимаются его бёдра, как он слегка сжимает мою руку, чтобы лучше контро-

лировать движение. Его дыхание тёплой струйкой задевает кожу на моей щеке. И от него пахнет... вкусно. Не едой. Парфюмом. Едва уловимым, резковатым, с нотками древесины и табака. Запах власти и невероятной, подавляющей мужественности.

– ...видите? Надавливайте не всей ладонью, а подушечками. Плавный ход, – он вёл мою руку с ножом, выполняя идеальный надрез, но его слова доносились до меня как через вату.

Я была парализована его близостью.

– Почему у вас руки как будто из желе? Держите! – он внезапно рявкнул мне прямо в ухо, срываясь с привычного холодного тона на раздражённый.

Я вздрогнула всем телом, как от удара током. И инстинктивно, резко дёрнулась назад, чтобы вырваться.

Мой локоть, согнутый под неудобным углом, со всей силой ткнулся ему в живот.

Удар был несильный, но неожиданный и точный. Он глухо ахнул, и его рука мгновенно отпустила мою.

Я развернулась к нему, понимая, чем это чревато.

– О господи! Шеф, простите, пожалуйста, я не хотела! – слова полились пулемётной очередью. – Это нечаянно, я испугалась...

Данилов отступил на шаг. Его лицо на миг исказила гримаса боли, но он мгновенно взял себя в руки, выпрямился.

Он мужественно перенёс удар, лишь слегка потеряв место, куда пришёлся мой локоть. Его тяжёлый взгляд пригвоздил меня к месту.

– Вы уверены, что готовы работать со мной, Строгина? – спросил он, и его голос снова стал ледяным и резким.

Я кивнула.

– Конечно, шеф. Просто я... я не ожидала.

Он хмуро сдвинул брови, изучая моё лицо.

– Тогда привыкайте к тому, что я могу говорить громко. И перестаньте вздрагивать, как испуганный кролик, каждый раз, когда я делаю замечание. На моей кухне бедные овечки с дрожащими руками не задерживаются.

Мне было так стыдно, что хотелось провалиться сквозь щели между кафельными плитками. Катя же совершенно не скрывала самодовольной улыбки. Её поза говорила: «Вот видишь, дилетантка? Ты здесь лишняя».

Данилов, отдышавшись, кивнул Кате.

– Богомолова, вы свободны. Завтра в восемь, не опаздывать. Начнём работу с тестом.

Катя почтительно кивнула, смирила меня ещё одним торжествующим взглядом и удалилась, её шаги отдавались в пустом зале.

Данилов повернулся ко мне.

– А вы, Строгина, останетесь сегодня после занятий. Ещё на два часа. Вы будете оттачивать мастерство нарезки. Пока не почувствуете, что нож – продолжение вашей руки, а не оружием против своего же шефа. Всё понятно?

– Понятно, шеф, – прошептала я.

– И да, – он добавил, уже отходя к своему столу и беря в руки какую-то папку. – Смените лук на морковь. Меньше слёз. Больше концентрации.

Я думала, он опять уйдёт, а я буду два часа нарезать морковь. Но Данилов и не собирался никуда уходить. Он скрестил руки на груди. Встал напротив и следил за каждым моим движением. Может, он решил сегодня довести меня, чтобы я отказалась от учёбы?

Глава 9. Её здесь быть не должно

(Данилов)

Чёрт. Ну это полный провал.

Я делаю вид, что изучаю бумаги, но краем глаза вижу, как она режет морковь. Бледная, сосредоточенная, с дрожащими руками. Но режет. Упрямо, методично, с решимостью, которая заставляет идти напролом, когда уже нет сил. Именно это в ней и бесит.

Я не хочу её здесь как ученицу.

Она слабая, неуклюжая пышка, можно сказать, профан. Но в ней что-то есть. Я пока хз что. Очень похоже на упрямство. Не такое, упрямство, как у Богомоловой. У той амбиции, это итак понятно. А вот Строгину я пока раскусить не могу. Она непредсказуема то, кажется, сейчас расплчется и сдастся, то яростно вспыхивает, а в глазах такая злость, что даже меня пробирает.

И вот она здесь, режет морковь. Она пока не догадывается, но это последний шанс для неё.

Сломается или уйдёт? Я бы даже ставку поставил на неё. Но мне надо, чтобы она сломалась, чтобы перестать чувствовать этот проклятый интерес. На моей кухне не должно быть личного. Никаких «нравится». Только дисциплина и работа.

Мой мир выстроен на этом.

После всего, через что прошёл – травля, нищета, унижения – слабость здесь не выживает. А она на данный момент моя уязвимость.

Уйди. Испугайся. Сломайся, – мысленно прошу её.

Но она не уходит. Режет. Медленно, коряво, без остановки. Вижу, как тыльной стороной ладони вытирает пот.

Это злит ещё больше. Злюсь на неё. На себя.

Не выдерживаю. Бросаю папку, подхожу, скрестив руки. Встаю напротив, громко вздыхаю, чтобы привлечь внимание.

– Вы даже морковку режете, будто она вас лично обидела. НЕужели быстрее не можете?

Она вздрагивает. Что за пугливое создание. Напоминает дикую косулю и глаза такие, что, кажется, в душу заглядывают.

– Я стараюсь, шеф.

– Не похоже. Вы настолько боитесь меня, что не можете управлять своим телом? Смешно.

Делаю шаг ближе, нависаю, используя рост и авторитет как оружие. Её запах – нежный, домашний, с ванилью – бьёт в нос, смешиваясь с овощным. Невыносимо мило и раздражающе.

– Расслабьте плечи. Сейчас.

Она пытается. Получается жалко. Сдерживаю раздражённое замечание и, не выдержав, шагаю *вперёд* – не сзади, а прямо перед ней. Беру её руку с ножом лицом к лицу. Мои пальцы снова обхватывают её кисть. Вижу, как расширяются её зрачки, как перехватывает дыхание.

– Вот так. Плавно. Не дёргай... не дёргайте. Ведите нож всем телом, а не одной кистью.

Вожу её рукой, стараясь быть безразличным, но чувствую под пальцами тонкую, горячую кожу запястья. Моё собственное дыхание сбивается. *Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.*

И тут моя нога наступает на что-то скользкое – кусочек моркови. Поскальзываюсь. Не сильно, но достаточно, чтобы потерять равновесие и сделать неловкий шаг вперёд.

И оказываюсь прижат к ней вплотную. Грудь к груди. Инстинктивно хватаюсь за край стола по обе стороны от неё, чтобы не упасть, и заключаю её в ловушку, из которого она не может вырваться, не оттолкнув меня.

Мы замираем. Моё лицо – в пяти сантиметрах от её. Вижу каждую ресницу, каждую веснушку на носу, испуг и полное недоумение в её глазах. Её дыхание, учащённое и тёплое, смешивается с моим. Запах ванили бьёт в голову, как током.

Тишина. Только тиканье часов и гул холодильников.

– Шеф... – шепчет она, и её губы дрожат.

Мозг лихорадочно ищет выход. Грубость? Отпрянуть? Тело не слушается.

И тут мой взгляд падает на её доску. Среди горки соломки лежит один-единственный, идеальный кубик моркови. Лучший из всех, что она сегодня нарезала. Не отрывая от неё взгляда, медленно, слишком медленно, протягиваю свободную руку, подцепляю этот кубик двумя пальцами и подношу к её губам.

– Вот, – мой голос звучит хрипло и непривычно тихо. – Ваш первый идеальный кубик. Заслужили.

Она автоматически открывает рот, и я кладу кубик ей на язык. Её губы прикасаются к моим пальцам. Мягкие, как я и думал. Она застывает с широко открытыми глазами, с морковкой во рту, не в силах жевать или выплюнуть.

Отступаю наконец, сердце колотится так, будто пробежал марафон. Щёки горят. Благодарю все силы, что китель скрывает слишком явную реакцию тела на эту близость.

– Достаточно, – выдыхаю, отворачиваюсь, поправляю воротник, который вдруг начинает душить. – Вы... справились. Можете идти. Завтра продолжим.

Не смотрю на неё, пока она молча, как лунатик, убирается. Слышу, как надевает куртку, подходит к двери.

– Строгина, – не выдерживаю, всё ещё глядя в окно на тёмный двор.

– Да, шеф? – её голос за моей спиной тихий, неуверенный.

– Завтра... не опаздывайте. И... принесите свой нож. Под вашу руку, может, с ним у вас лучше получится.
Она замирает.

– Хорошо, шеф.
Дверь закрывается. Я облакачиваюсь о холодную плиту. Хотел спугнуть. А сам чуть глупость не совершил.
И всё, о чём могу думать, – как она выглядела с этим дурацким кубиком моркови во рту. И что завтра увижу её снова.

Глава 10. Забери своего мужа

Дорога домой расплывалась перед глазами. Я ехала в такси, уставившись в темноту за стеклом, но видела не город, а его лицо. В пяти сантиметрах от моего. До сих пор я чувствовала его тело, как будто прижатое ко мне.

И этот взгляд... Он не был злым. Он был... растерянным?

Да нет, не может быть.

Данилов не растеряется никогда.

Что это было? Новый изошрённый способ выжить меня?

Психическая атака?

Сначала крик, потом эта... эта интимная ловушка у стола?

Может, он правда хочет, чтобы я сбежала. Видит во мне слабую, непрофессиональную пышку и пытается дожать, чтобы я сама отказалась от учёбы.

В животе всё сжалось в тугую, болезненный узел. Но следом за болью поднялась знакомая, упрямая волна.

Нет. Я не сбегу. Не позволю ему или кому-либо ещё решать, что для меня слишком сложно.

Я прорвалась сюда, выгнала мужа, начала всё с нуля. Я не отступлю из-за его хищных ухмылок и необъяснимых... прикосновений.

Неожиданно телефон в кармане куртки задребезжал, выдёргивая из тяжёлых раздумий. Я машинально вытащила

его. На экране высветилось имя «Лика». Сердце замерло, но не от злости, а от раздражения. На кой чёрт она мне вообще звонит? Или думает мы всё ещё подруги. Это насколько надо быть отбитой, чтобы без стеснения звонить мне. Как будто ничего не произошло.

Я сбросила вызов. Через десять секунд – снова звонок. И ещё. Она не унималась. Как будто у неё было на это право после всего.

Я злилась всё сильнее, меня итак вымотал сегодняшний день, ещё и этот странный шеф, теперь Лика. Как будто все сговорились и решили довести меня.

Я нажала кнопку принятия вызова и резко поднесла трубку к уху.

– Что тебе надо? – мой голос прозвучал тихо, но с такой ледяной сталью, что даже я сама удивилась.

В трубке на секунду воцарилась тишина. Видимо, Лика не ожидала, что я умею так разговаривать.

– Варь... – начала она, и мне снова стало противно. И от её голоса, и от того воспоминания, которое он вызвал. – Слушай...

– Я спросила, что тебе надо, – перебила я, не повышая тона. – У меня нет времени и желания слушать твои оправдания.

– Ладно, ладно, не кипятись, – она фальшиво засмеялась.

– Я по делу. Такое дело. Может, заберёшь своего мужа? Он у меня второй день живёт, сказал, что ты его выгнала. И если честно, мне уже надоело. Ты же знаешь, я одиночка. Мне муж не нужен. Я тебе не раз об этом говорила.

Сначала мне даже показалось, что у меня что-то со слухом.

– Мой муж? – переспросила я с нарочитым удивлением. – Лик, разве ты забыла? Лёня теперь мой бывший муж. Я уже на развод подала. Ну а раз ты с таким энтузиазмом... принимала его у себя, то он теперь твой. Ты его очаровала, пригрела, обласкала, так что теперь можешь наслаждаться сильными объятиями настоящего мужчины, о которых ты давно мечтала. А у меня и своих дел полно.

– Варвара, это же низко! – в её голосе прозвучало неподдельное возмущение. – Да и где настоящий мужчина и где твой Лёня. Тоже сравнила. Они и рядом не стоят. Мы же... мы же подругами были! Ты не можешь просто взять и кинуть меня сейчас!

Меня так и подмывало расхохотаться в трубку. Это напоминало какой-то сюр.

– Были, – подчеркнула я. – Ключевое слово – *были*. А сейчас мне абсолютно плевать, что у вас с Лёней. Ничего не хочу о вас слышать. У меня сейчас новая жизнь. И в ней нет места ни для тебя, ни для Лёни. Так что решай свои проблемы сама. И больше не звони.

– Он мне тоже не нужен, – послышалось громкое возму-

щение Лики, мне даже трубку пришлось от уха отдалить.

- Ну так и скажи ему об этом, а не мне. Я ему не мама.
- Я ему говорю, а он не уходит. Мешает мне, достал уже.
- Надо было раньше думать, перед кем ноги раздвигашь.

А сейчас это не мои проблемы.

Я положила трубку, не дожидаясь ответа, и тут же внесла её номер в чёрный список. Действо было коротким и финальным. Лёгкость, с которой это получилось, удивила даже меня.

Авторитет Лёни, которого я боялась и слушалась несколько лет подряд, стремительно приближался к полу. Это же надо

Такси остановилось у моего дома. Я расплатилась и вышла на пустынную вечернюю улицу. Прохладный воздух обжёг лёгкие, но внутри всё ещё бушевала странная смесь – остаточное напряжение от кухни, едкая горечь от разговора с Ликой.

«Надо было раньше думать», – мои же слова эхом отдавались в голове. Это касалось не только Лики. И меня тоже. Надо было раньше думать, прежде чем позволять Лёне годами лепить из меня удобную куклу. Но я не думала. Зато думаю сейчас. И действую.

Я поднялась в квартиру. Скинула куртку, включила свет на кухне и заварила чай. Руки автоматически потянулись к банке с печеньем – старой привычке заедать стресс. Я остановила себя на полпути. Вместо этого достала блокнот и руч-

ку.

«Шеф Данилов», – вывела я на чистой странице. И задумалась. Что я о нём знаю? Грубый. Требовательный. С хищной ухмылкой. И с... идеальным телом и прессом. Я почувствовала, как снова краснею, и зло потёрла щёки.

Нет. Отставить эмоции. Нужна стратегия. Он хочет меня сломать? Хорошо. Я не сломаюсь. Но и просто упрямо терпеть его нападки – путь в никуда. Нужно учиться. Быстрее и лучше, чем он ожидает. Чтобы у него не осталось аргументов избавиться от меня.

Я открыла ноутбук, нашла сохранившиеся вкладки с кулинарными терминами и видео по технике нарезки. Сегодня он говорил про локоть и кисть. Я поставила ролик на паузу, встала и попробовала повторить движение без ножа. Потом с ножом. И ещё раз. Я резала воображаемый лук, представляя его взгляд на своей спине. Моё дыхание выравнивалось. Движения становились увереннее.

Завтра я приду со своим ножом. Как он и просил. И буду резать так, чтобы он прищурился от удивления, а не от раздражения. Пусть думает, что я слабая овечка. Овечки не учатся на своих ошибках с такой яростью.

Телефон снова завибрировал на столе. Я вздрогнула, подумав, что это снова Лика. Но на экране высветился неизвестный номер. Сердце ёкнуло по другой причине – идиотская, необъяснимая надежда, что это... нет, не может быть. Я сбросила. Через минуту пришло СМС с того же номера:

«Это Артём, су-шеф. Шеф просил передать: завтра в семь. Не в девять. И принести сменную одежду. Будем работать с мукой. Не опаздывать».

Семь. На два часа раньше. И мука. Значит, тесто. Значит, новая атака на мою неуклюжесть и новые придирки.

Я отправила короткое «Поняла. Спасибо» и отложила телефон. Выпила чай. Посмотрела на часы. До семи утра осталось девять часов. Время на сон и на то, чтобы мысленно подготовиться к новой битве.

Перед сном я ещё раз взяла в руки свой любимый нож. Я его через интернет заказала. Долго хотела, а потом с премии сделала себе подарок. Дорогой был зараза, зато не тупился долго. Лезвие блестело в свете лампы.

«Завтра, – прошептала я ему, – ты и я. Мы покажем этому каменному шефу, из чего сделаны настоящие пышки. Мы не ломаемся, потому что упругие. Я не дам ему взять верх над мной. Обещаю».

Глава 11. Подстава

К семи я уже стояла у тяжёлой дубовой двери ресторана. Я не посмотрела на градусник с утра и оделась совсем не по погоде. Ещё вчера на улице было -5 градусов. А за ночь выпал снег, и значение термометра опустилось до -20. Я думала, на такси доеду быстро, от машины до входа в ресторан – три шага. Но совершенно не ожидала, что ресторан будет закрыт. Окна тёмные, шторы опущены. Я нажала на звонок – тишина. Позвонила на тот же номер, с которого пришла смска – абонент не отвечал.

Холод пробирался сквозь мой пуховик и джинсы. Сначала было просто прохладно. Потом заоченели пальцы на ногах в замшевых ботильонах. Потом холод пробрался под пуховик, и я начала мелко, неконтролируемо дрожать. Я переминалась с ноги на ногу, дышала на замёрзшие ладони, пыталась спрятаться от порывистого ветра в нише у входа. Магазины вокруг были закрыты, в них горел лишь дежурный свет.

Час. Целый час. Каждая минута тянулась как резина. Мысли, сначала яростные («Это он! Это очередная его подстава!»), сменились тупым, животным желанием просто согреться. Я уже не злилась. Я замёрзла. Казалось, превратилась в ледяную статую, не чувствовала ни рук, ни ног.

Ровно в восемь к тротуару бесшумно подкатил чёрный

внедорожник. Из него вышел Данилов. Он был в тёмной дублёрке, без шапки, и выглядел так, будто холод ему был нипочём. Увидев меня, он сначала лишь слегка приподнял бровь, и на его губах появилась знакомая, хищная ухмылка.

– Не думал, что вы настолько жаждете работать и соскучились по кухне, что приехали за час до начала, – прокомментировал он, подходя и доставая ключи.

Голос у меня сел от холода и обиды. Я прохрипела, едва шевеля онемевшими губами:

– Я уже час тут стою. Вы же сами сказали... к семи приехать.

Ухмылка мгновенно исчезла с его лица. Он резко повернулся ко мне, его взгляд стал пристальным и острым.

– Когда я такое сказал?

Он не стал ждать ответа. Вместо этого он схватил мои руки в свои. Его пальцы, горячие и сильные, сжали мои ледяные.

– Замёрзла? – спросил он коротко.

Я могла только кивнуть, стуча зубами.

Он грубо выругался себе под нос и быстро открыл дверь. Толкнул меня внутрь, в тёмный, холодный ещё зал, и, не включая свет, повёл за собой через кухню прямо в свой кабинет. Щёлкнул выключателем. Включил обогреватель, ко-

торый тут же загудел, выбрасывая струю сухого тепла.

– Пуховик снимай, – скомандовал он, скидывая свою дублёрку и на ходу накидывая её мне на плечи. Тяжёлая, тёплая, пахнувшая тем же древесным парфюмом и морозом, она обволокла меня, как одеяло. – Садись. Обувь снимай.

Я повиновалась, но руки не слушались. Сняла ботильоны. Ноги щипало от тепла. Я сидела на кожаном диване, кутаясь в его пальто, и меня начало бить крупной дрожью – наконец-то в тепле тело стало оттаивать.

Данилов тем временем налил в большую кружку ароматный чай из термопота, стоявшего у него на столе. Запахло имбирём, лимоном и мёдом. Горячий чай. Он сунул кружку мне в руки.

– Пей. Медленно.

Потом он отодвинул журнальный столик, подкатил к дивану низкий пуфик и сел на него прямо передо мной. Без лишних слов взял мои замёрзшие ступни и положил себе на колени. Я ахнула от неожиданности и неловкости, но он уже растирал мои ноги сквозь тонкие колготки своими горячими, большими ладонями. Давил на стопы, разминал пальцы. Больно и безумно хорошо. Жар от его рук и от чая внутри начал медленно растапливать ледяную скорлупу.

– Ну и когда я такое сказал, чтобы ты к семи пришла? – спросил он, не поднимая головы, продолжая свою работу.

– Вчера... пришло СМС, – проговорила я, и голос звучал

чуть живее. – С незнакомого номера. Что это... су-шеф Артём. И что вы передали, чтобы я пришла к семи. Со сменной одеждой. Я... я так и сделала.

Он, не прекращая растирание, поднял на меня взгляд.

– Во-первых, су-шефа Артёма у меня нет. Во-вторых, если бы мне понадобилось изменить твоё расписание, я бы позвонил сам. Понятно?

Я кивнула, чувствуя, как жгучий стыд приливает к щекам. Я была дура. Легковерная, наивная дура.

– Простите, – прошептала я. – Я не знала... Я думала, это вы...

– Значит, кто-то решил пошутить, – отрезал он. Он снова принялся растирать мне ноги. – Или решил подставить тебя. Я с этим разберусь позже. Сейчас важно, чтобы ты не заболела.

Я кивнула, чувствуя, как тепло, наконец, побеждает ледяное оцепенение. Боль в пальцах ног сменилась мурашками, а потом приятным, глубоким жаром. Уверена, такого массажа мне бы даже в самом шикарном салоне не сделали. Данилов, похоже, всё делал идеально. Я смотрела на него, на то, как работают его руки, и чувствовала разгорающийся жар внутри меня.

Это была чистая физиология: просто замёрзший объект стал отогреваться, поэтому стало жарко. Ведь так? Именно

так, – уверяла я себя.

Но почему-то именно эта деловитая забота заставляла сердце биться чаще, чем любое нежное прикосновение.

Он закончил растирать одну стопу, перешёл ко второй.

– Сможешь сегодня работать? – спросил он, всё ещё не глядя на меня, изучая мои щиколотки.

– Справлюсь, шеф, – ответила я твёрдо.

– Вот и хорошо, – он коротко кивнул, в последний раз с силой прожав мне ступню, от чего по ноге снова побежали мурашки. – Тогда одевайся. И да... – Он, наконец, поднял голову. Его взгляд был тяжёлым, оценивающим, но без привычной насмешки. – В следующий раз, если получишь странное сообщение, перезвони мне. Даже если будет три утра. Лучше мой нарушенный сон, чем твои отмороженные уши и нос. Ясно?

– Ясно, шеф.

– Запиши мой номер.

Я достала телефон и под диктовку внесла номер Данилова в свою записную книжку.

Он сразу встал, откатил пуфик и вышел из кабинета, оставив дверь приоткрытой. Я сидела ещё минуту, закутанная в

его дублёнку, вдыхая этот смешанный запах – мороза, дорогой кожи, древесины и мужчины. Перед глазами снова всплыла вчерашняя картинка, он так близко, его полные губы...Нет. Это неправильно.

Я встряхнула головой, прогоняя назойливые фантазии.

Потом сделала последний глоток чая, поставила кружку и начала собираться. Ноги горели. Я надела ботильоны, с неохотой сняла с плеч его дублёнку – оно было таким тёплым и... безопасным. Аккуратно повесила его на спинку его же кресла.

В соседней комнате, в «подсобке для персонала», на вешалке висела моя сумка со сменной одеждой. Я переоделась в рабочие брюки и футболку, надела фартук. В зеркале увидела своё лицо – щёки горели ярким румянцем, глаза блестели. Я выглядела вполне живой.

Когда я вышла на кухню, там уже кипела жизнь. Горел свет, гудели вытяжки, у своей станции стояла Катя. Она была безупречна, как всегда. Увидев меня, она бросила быстрый взгляд.

Данилов стоял у центрального стола, разговаривая с двумя поварами. Увидев меня, он прервался.

– Строгина, к столу. Сегодня – основа основ. Дрожжевое тесто. Вы будете месить. Вручную. Пока не поймёте консистенцию. Богомолова, – он кивнул Кате, – вы с соусами. Начинаем.

Глава 12. Заболела

Первые два часа я работала на чистом упрямстве и бодрости от его чая. Мука, вода, дрожжи, соль. Руки погружались в липкую массу, и я повторяла движения, которые он вчера показал. Медленно, не пытаясь форсировать. Только тесто, только цель. Он изредка проходил мимо, бросал взгляд, но ничего не говорил. Молчание было лучше любых слов – значит, пока всё в нормально.

Но к обеду сила, подпитываемая адреналином, начала иссякать. Вместо неё пришла странная слабость. В висках застучало, в теле появилась неприятная ломота, а жар, который я списывала на работу у плит, стал обжигающим и сухим.

Катя несколько раз громко, на всю кухню, спрашивала что-то у другого повара, явно пытаясь привлечь внимание Данилова к своей «сложной» работе. Он лишь бросил пару раз на неё короткий взгляд, не отрываясь от своей работы. К ней он вообще не подходил, и мне это безумно льстило.

Я поставила очередной шар теста на расстойку, и на секунду оперлась о стол, чтобы перевести дух. Мир слегка поплыл перед глазами.

– Строгина, что стоишь? Случилось что-то? – раздался его голос где-то рядом.

Я резко выпрямилась, стараясь сфокусировать взгляд.

– Нет, шеф. Всё в порядке.

Он прищурился, изучая моё лицо, но ничего не сказал, развернулся и ушёл.

После обеда стало только хуже. Каждое движение давалось с трудом. Я путала порядок действий, едва не уронила миску с закваской. Руки дрожали уже не от волнения, а от слабости. Сквозь гул кухни я с трудом различала команды. Всё плыло, как в густом тумане. Я делала вид, что работаю, автоматически повторяя заученные движения, но внутри была одна мысль: дотерпеть до конца. Просто до конца дня.

Когда стрелка часов подобралась к шести, я едва стояла на ногах. Спина была мокрой от пота, меня бил озноб. Я пыталась собрать инструменты, но пальцы не слушались.

Внезапно передо мной вырос Данилов. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на лице.

– Всё, – сказал он коротко и без возражений. – На сегодня хватит. Идите, переодевайтесь и домой.

Я кивнула, сил на спор не было. Каждый шаг отдавался глухой болью в висках. В раздевалке я ухватила за вешалку, пытаюсь стащить фартук. Мир покачнулся.

– Строгина.

Я медленно обернулась. Он стоял в дверях, скрестив руки.

– С кем живёшь? – спросил он резко, без предисловий.

Вопрос был настолько неожиданным, что мой затуманенный мозг завис.

– Одна... – прошептала я.

Он шагнул вперёд, быстрым движением приложил ладонь к моему лбу. Его прикосновение было таким прохладным и таким приятным, что я даже глаза закрыла.

– Да ты кипяток, – проворчал он, и в его голосе впервые прозвучало что-то, кроме раздражения или холодной оценки. Что-то вроде... досады. – Поехали. Отвезу тебя домой.

– Нет, шеф, я... сама... – попыталась я возразить, но он уже забрал мой фартук из моих рук.

– Это не обсуждается, – отрезал он. – На такси ты доедешь до морга, а не до дома. Одевайся. Быстро. Или тебе помочь? Я покачала головой. Хотя...

Тело ломило. Каждое движение давалось с трудом, но я всё равно справилась и натянула на себя одежду.

Надела пуховик. Данилов ждал меня уже у двери подсобки.

Он повёл к выходу, поддерживая за локоть. Мимо Кати, которая наблюдала за нами с каменным лицом, но во взгляде мне показалось, промелькнула злость и недовольство.

На улице мороз обжёг моё лицо, от чего стало ещё ху-

же. Меня затрясло. Данилов усадил меня в машину, включил печку на полную, и мы поехали. Я сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и чувствовала, как горячая волна накатывает снова и снова. Голос в навигаторе диктовал адрес моего дома – я смутно помнила, что продиктовала его ему, когда он спросил.

Дорога промелькнула в полубреду. Очнулась я, когда машина остановилась, и он вышел, чтобы открыть мне дверь.

– Можешь идти? – спросил он, заглядывая в моё лицо.

Я кивнула и, шатаясь, вылезла. Поскользнувшись, едва не распластавшись на снегу. И снова Данилов спас меня. Для него это уже, похоже, стало привычным. Он взял меня под руку и повёл к подъезду. Поднялись на лифте. Я с трудом нашла ключи в сумке и открыла дверь.

Он переступил порог, окинул быстрым взглядом прихожую и повернулся ко мне.

– Где твоя спальня? Аптечка есть?

Я показала рукой. Он проводил меня до кровати, снял пуховик, заставил сесть.

– Давай, ложись, – скомандовал. – Сейчас.

Я послушно легла. Он накрыл меня одеялом, потом ушёл на кухню. Я слышала, как хлопают дверки шкафчиков на кухне, он что-то искал. Вернулся с кружкой тёплой воды и

двумя таблетками.

– Жаропонижающее. Пей.

Я выпила. Он постоял рядом, глядя на меня своим тяжёлым, тревожным взглядом.

– Завтра никакой работы, – сказал он. – Тебе надо сначала выздороветь. Где у тебя тот номер, что я дал.

– В телефоне записан, – прохрипела я. Голос уже не слышался. Ужасно хотелось спать. Глаза закрывались.

– Поспи.

Я кивнула, уже почти теряя связь с реальностью.

Он поправил одеяло, резко развернулся и ушёл.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.